

Хилари Мантел
Вулфхолл
Серия «Вулфхолл», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6996362

Хилари Мантел. Вулфхолл: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083674-1

Оригинал: Hilary Mantel, "Wolf Hall"

Перевод:

Екатерина Михайловна Доброхотова-Майкова

Марина Валерьевна Клеветенко

Аннотация

Хилари Мантел – номинант и лауреат нескольких национальных литературных премий, в том числе – дважды лауреат Букеровской премии за 2009 и 2012 годы за романы о Томасе Кромвеле «Вулфхолл» и «Внесите тела».

Англия, двадцатые годы XVI века. Страна на грани бедствия: если Генрих VIII умрет, не оставив наследника, неизбежна гражданская война. На сцену выступает Томас Кромвель, сын кузнеца-дебошира, политический гений, чьи орудия – подкуп, угрозы и лесть. Его цель – преобразовать Англию сообразно своей воле и желаниям короля, которому он преданно служит.

В своем неподражаемом стиле Хилари Мантел показывает общество на переломе истории, общество, в котором каждый с отвагой и страстью идет навстречу своей судьбе.

Содержание

Действующие лица:	4
Часть первая	9
I. Через проливы	9
II. Отцовство	16
III. В Остин-Фрайарз	25
Часть вторая	31
I. Гости	31
II. Потаенная история Британии	42
III. Попытка не пытка	91
Часть третья	94
I. Финт с тремя картами	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Хилари Мантел Вулфхолл

Действующие лица:

В Патни, 1500-й

Уолтер Кромвель, пивовар и кузнец

Томас, его сын.

Бет, его дочь.

Кэт, его дочь.

Морган Уильямс, муж Кэт.

В Остин-Фрайарз, с 1527-го

Томас Кромвель, стряпчий.

Лиз Уайкис, его жена.

Грегори, их сын.

Энн, их дочь.

Грейс, их дочь.

Генри Уайкис, отец Лиз, суконщик.

Мерси, его жена.

Джоанна Уильямсон, сестра Лиз.

Джон Уильямсон, ее муж.

Джоанна (Джо), их дочь.

Алиса Уэллифед, племянница Кромвеля, дочь Бет Кромвель.

Ричард Уильямс, позже – Кромвель, сын Кэт и Моргана.

Рейф Сэдлер, старший письмоводитель Кромвеля, воспитанный в Остин-Фрайарз.

Томас Авери, домашний счетовод.

Хелен Барр, бедная женщина, взятая в дом.

Терстон, повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

В Вестминстере

Томас Вулси, архиепископ Йоркский, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; покровитель Томаса Кромвеля.

Джордж Кавендиш, помощник, затем биограф Вулси.

Стивен Гардинер, глава Тринити-холла, секретарь кардинала, позже государственный секретарь Генриха VIII; заклятый враг Кромвеля.

Томас Риотеслей (Ризли), хранитель личной королевской печати, дипломат, протеже и Кромвеля, и Гардинера.

Ричард Рич, юрист, позже генеральный адвокат.

Томас Одли, юрист, спикер палаты общин, лорд-канцлер после отставки Томаса Мора.

В Челси

Томас Мор, юрист и ученый, лорд-канцлер после падения Вулси.

Алиса, его жена.

Сэр Джон Мор, его престарелый отец.

Маргарет Ропер, его старшая дочь, жена Уилла Ропера.
Энн Крезакр, его невестка.
Генри Паттинсон, слуга.

В Сити

Хемфри Монмаут, торговец, арестованный за то, что дал приют Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.

Джон Петит, купец, арестованный по подозрению в ереси.
Люси, его жена.

Джон Парнелл, купец, ведущий бесконечную тяжбу с Томасом Мором.

Маленький Билни, ученый, сожженный за ересь.

Джон Фрит, ученый, сожженный за ересь.

Антонио Бонвизи, купец из Лукки.

Стивен Возн, антверпенский купец, друг Кромвеля.

При дворе

Генрих VIII

Екатерина Арагонская, его первая жена, позже именуемая вдовствующей принцессой Уэльской.

Мария, их дочь.

Анна Болейн, его вторая жена.

Мария, ее сестра, вдова Уильяма Кэри, бывшая любовница Генриха.

Томас Болейн, ее отец, позже граф Уилтширский и лорд-хранитель королевской печати; любит, чтобы к нему обращались «монсеньор».

Джордж, ее брат, впоследствии лорд Рочфорд.

Джейн Рочфорд, жена Джорджа.

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя Анны.

Мэри Говард, его дочь.

Мэри Шелтон

Джейн Сеймур Фрейлины

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха, женатый на его сестре Марии.

Генри Норрис, Фрэнсис Брайан, Фрэнсис Уэстон, Уильям Брертон, Николас Кэрю – джентльмены, состоящие при короле

Марк Смитон, музыкант.

Генри Уайетт, придворный.

Томас Уайетт, его сын.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Генри Перси, граф Нортумберлендский.

Священнослужители

Уильям Уорхем, престарелый архиепископ Кентерберийский.

Кардинал Кампеджо, папский легат.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, советник Екатерины Арагонской.

Томас Кранмер, кембриджский богослов, сторонник Реформации, архиепископ Кентерберийский после смерти Уорхема.

Хью Латимер, священник, сторонник Реформации, позднее епископ Вустерский.

Роуланд Ли, друг Кромвеля, позднее епископ Ковентри и Личфилда.

В Кале

Лорд Бернерс, губернатор, ученый и переводчик.

Лорд Лайл, следующий губернатор.

Хонор, его жена.

Уильям Стаффорд, гарнизонный офицер.

В Хэтфилде

Леди Брайан, мать Фрэнсиса; воспитательница новорожденной принцессы Елизаветы.

Леди Энн Шелтон, тетка Анны Болейн; воспитательница бывшей принцессы Марии.

Послы

Эсташ Шапюи, дипломат, уроженец Савойи, посол императора Карла V в Лондоне.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Йоркистские претенденты на престол

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.

Гертруда, его жена.

Маргарет Пол, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.

Лорд Монтегю, ее сын.

Джеффри Пол, ее сын.

Реджинальд Пол, ее сын.

Семья Сеймуров в Волчьем зале

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с женой старшего сына Эдварда.

Эдвард Сеймур, его сын.

Томас Сеймур, его сын.

Джейн, его дочь, при дворе.

Лиззи, его дочь, замужем за губернатором острова Джерси.

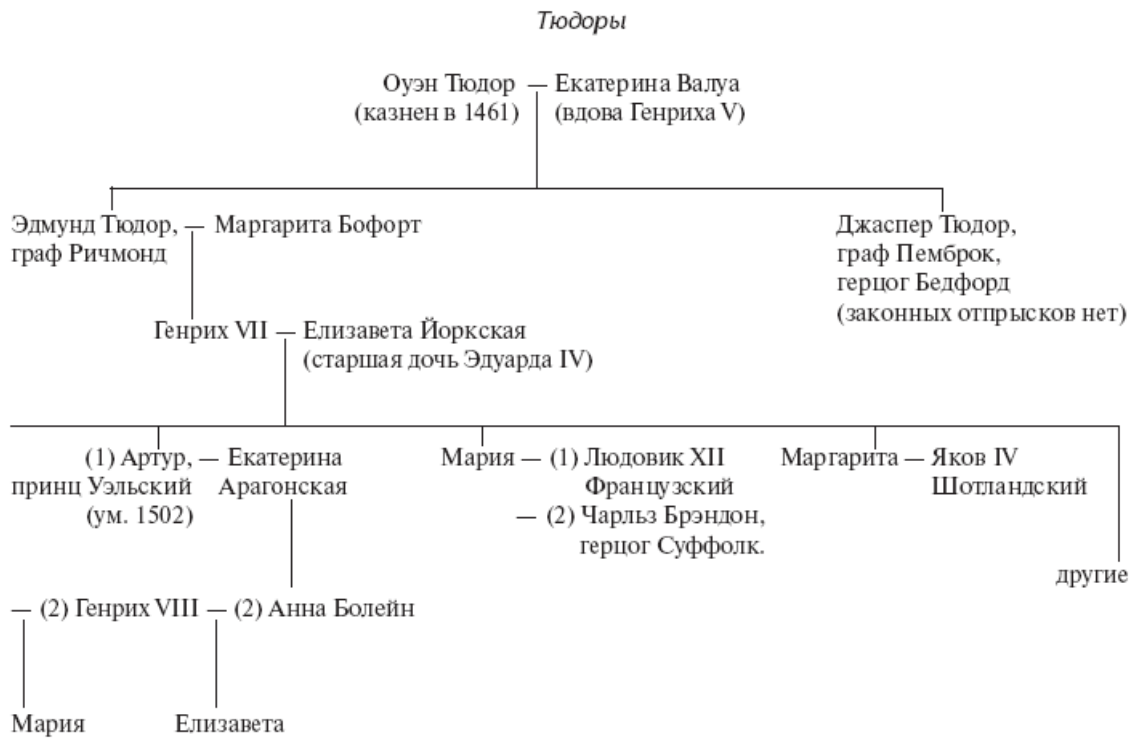
Уильям Беттс, врач.

Николас Кратцер, астроном.

Ганс Гольбейн, художник.

Секстон, шут Вулси.

Элизабет Бартон, пророчица.

Сцены бывают трех родов: во-первых, так называемые трагические, во-вторых – комические, в-третьих – сатирические. Декорации их несходны и разнородны: в трагических изображаются колонны, фронтоны, статуи и прочие царственные предметы; в комических же представляются частные здания, балконы и изображения окон, в подражание тому, как

бывает в обыкновенных домах; а сатирические украшены деревьями, пещерами, горами и прочими особенностями сельского пейзажа¹.

Витрувий. О театре. Ок. 27 г. до н. э.

Вот имена действующих лиц:

Счастье

Свобода

Умеренность

Величие

Прихоть

Притворное сочувствие

Лукавство

Тайный сговор

Учтивое оскорбление

Безумие

Бедствие

Нищета

Отчаяние

Подлость

Надежда

Исправление

Осмотрительность

Стойкость

*Джон Скелтон*². Величие. Интерлюдия. Ок. 1520

---

¹ Пер. Ф. Петровского.

² Джон Скелтон (ок. 1460—1529), поэт, наставник Генриха VIII, остро слов, поначалу пользовавшийся расположением кардинала Вулси, которое со временем утратил из-за критических высказываний в адрес всемогущего министра. — (Прим. О. Дмитриевой)

Часть первая

I. Через проливы *Патни, 1500*

– А ну вставай!

Только что он стоял – и вот уже лежит, оглушенный, ошарашенный, растянувшись во весь рост на булыжнике двора. Поворачивает голову, смотрит на ворота, будто оттуда может прийти помощь. Сейчас его ничего не стоит прикончить.

Кровь из разбитой головы – по ней пришелся первый удар – заливает лицо. Левый глаз ничего не видит. Сощутив правый, он замечает, что шов на отцовском башмаке лопнул. Дратва вылезла наружу, узел на ней и рассек ему бровь. Это был второй удар.

– Вставай же! – орет Уолтер, примериваясь, куда ударить теперь.

Он приподнимает голову на дюйм-другой, ползет на животе, стараясь не выставлять руки, иначе Уолтер на них наступит. Так уже было.

– Ты что, угорь? – спрашивает родитель. Отходит на несколько шагов, разбегаются, снова бьет.

Удар вышибает из него дух. В голове одна мысль: это конец. Лоб снова касается булыжников. Сейчас Уолтер начнет его пинать. Белла, запертая в сарае, заходится лаем. Жалко, что я больше ее не увижу, проносится в голове. На дворе пахнет пивом и кровью. За воротами, у реки, кто-то орет. Ничего не болит, а может, болит все, и невозможно вычленить отдельную боль. Есть лишь ощущение холода в прижатой к булыжнику щеке.

– Нет, только глянть! – Уолтер прыгает на одной ноге, будто танцует. – До чего ты меня довел! Я порвал о твою башку свой добрый башмак!

Дюйм за дюймом. Дюйм за дюймом вперед. Пусть обзывает угрем, червяком, аспидом. Голову не поднимай, чтобы не злить Уолтера еще больше. Нос забит кровью, приходится дышать ртом. Отец отвлекся на порванный башмак. Минута передышки.

Его тошнит.

– Давай-давай! – ревет Уолтер. – Заблюй тут все!

Заблюй мои добрые булыжники.

– Давай же, вставай! Поднимайся! Святые греховодники! Встань на ноги!

Святые греховодники? думает он. Что это значит? Волосы в блевотине, собака лает, Уолтер вопит, над рекой несется колокольный звон. Ему чудится движение: как будто земля стала Темзой. Она вздымается и опадает. Последний воздух со свистом выходит из груди. Ну все, добил мальчика, кричит кто-то Уолтеру. Он закрывает глаза, или их закрывает ему Господь. Глубокая, черная вода уносит его прочь.

* * *

Когда мысли возвращаются, он стоит в дверях «Летучего коня Пегаса». Уже почти полдень. Сестра Кэт выходит из кухни с горячими пирогами и едва не роняет поднос.

– Нет, вы только полюбуйтесь!

– Кэт, не ори. У меня голова лопнет.

Она зовет мужа: «Морган Уильямс!» Поворачивается на месте, глаза ошалелые, лицо покраснелось от кухонного жара.

– Заберите у меня поднос! Тело Господне, да куда все подевались?

Его трясет, совсем как Беллу после того, как она свалилась из лодки в реку.
Вбегают служанка.

– Хозяин ушел в город.

– Да знаю я, дура! – При виде окровавленного брата Кэт позабыла все на свете. Она сует девушке поднос. – Пристрой так, чтобы кошки не добрались, не то таких оплеух навешаю – звезды из глаз посыплотся! – Освободив руки, она на мгновение сжимает их в страстной молитве. – Опять дрался, или это отец тебя изукрасил?

Да, говорит он, кивая изо всех сил, так что кровь брызжет из носа. Да, повторяет он и указывает на себя, словно говоря: здесь был Уолтер. Кэт кричит, чтобы несли таз, воду, чтобы воду налили в таз, чтобы дали полотенце, чтобы дьявол сию минуту явился и забрал к себе своего слугу Уолтера.

– Сядь, покуда не упал.

Он хочет сказать: я только что встал. Во дворе. Пролежал там час. А может, сутки, и тогда сегодня уже завтра. Только если бы это было сутки назад, Уолтер бы пришел и убил за то, что он валяется на дороге. А раны бы уже затянулись коркой и сейчас болели сильнее, при каждом движении. По близкому знакомству с башмаками и кулаками Уолтера он знает, что второй день всегда хуже первого.

– Сядь. Молчи, – говорит Кэт.

Приносят воду. Кэт легонько промакивает ему глаз. Оттирает мокрым полотенцем лоб, медленно и осторожно. Она судорожно дышит, ее рука лежит у него на плече. Иногда Кэт вполголоса чертыхается, иногда всхлипывает, гладит ему загривок, шепчет: «Ну, ну, не надо», – как будто это он плачет, а не она. Чувство такое, будто он парит, а сестра прижимает его к земле. Зарыться бы лицом в ее фартук и слушать, как стучит сердце, да не хочется пачкать кровью белую материю.

Возвращается Морган Уильямс в парадном платье. На широком валлийском лице – готовность немедленно ринуться в бой. Очевидно, ему уже рассказали. Морган встает рядом с Кэт, смотрит, долго не находит слов, потом восклицает: «Вот!» Сжимает кулак, трижды потрясает им в воздухе.

– Вот что получит Уолтер. От меня.

– И не думай, – отговаривает Кэт. – Мало тебе Томасовой крови на твоём лондонском платье.

Морган глядит на себя, на Тома. Послушно отходит.

– Мне-то что, но ты на себя глянь, малый. В честном бою ты бы его изувечил.

– Какой там честный бой, – ворчит Кэт. – Он подходит сзади, верно, Томас? И чем-нибудь бьет.

– Сдается, сегодня это была бутылка, – говорит Морган Уильямс. – Я угадал?

Он мотает головой. Из носа опять капает кровь.

– Не надо, братец. – Кэт оттирает на себе брызги. Фартук весь изгваздан. Вполне можно было уткнуться в него лицом, хуже бы не стало.

– Значит, ты не видел, чем он ударил? – спрашивает Морган.

– Для того и подходят сзади, ты, магистрат недоделанный, – буркает Кэт. – Послушай, Морган, хочешь, я расскажу тебе про моего отца? Он хватает что под руку попадет. Иногда бутылку, верно. Я видела, как он бьет мою мать. Даже крошку Бет – я видела, как он бьет ее по голове. А когда не видела, было еще хуже – значит, это он бил меня.

– Удивляюсь, как меня угораздило взять жену из такой семейки, – задумчиво произносит Морган Уильямс.

Это просто присловье. Некоторые мужчины постоянно шмыгают носом. У некоторых женщин все время болит голова. Морган всегда удивляется, что взял жену из такой семьи. Мальчик не слушает, он думает: если отец вот так бил покойницу-мать, может, он ее и при-

кончил? Нет, тогда бы его забрали. В Патни не блюдут закон, но убийство тут с рук не сойдет. Кэт ему за мать: плачет над ним, гладит по загривку.

Он зажмуривается, затем пробует открыть оба глаза одновременно.

– Кэт, – спрашивает он, – у меня там глаз есть? А то я им не вижу.

Да, да, говорит она, пока Морган продолжает устанавливать факты: это был твердый, довольно тяжелый, острый предмет, но вряд ли разбитая бутылка, иначе Томас увидел бы зазубренный край, когда Уолтер, целя в глаз, рассек ему бровь. Он слушает рассуждения Моргана и хочет объяснить про башмак, про узел на дратве, но так трудно ворочать языком, да оно, в сущности, и не важно. Вообще-то он согласен с Морганом и хочет пожать плечами, но их пронзает такая резкая боль, что он думает: может, у меня сломана шея?

– Ладно, Том, скажи лучше, чем ты так разозлил отца? – спрашивает Кэт. – Если совсем без повода, Уолтер обычно до темноты не начинает.

– Да, – подхватывает Морган Уильямс. – Что послужило причиной?

– Вчера. Я подрался.

– Ты вчера подрался? С кем, во имя всего святого?

– Не знаю. – Имя, вместе с причиной драки, вылетело из головы. Однако чувство такое, будто, вылетая, имя оставило на черепе зазубрены. Он трогает макушку, осторожно. Бутылка? Может быть.

– Вечно вы, мальчишки, деретесь, – ворчит Кэт. – У реки.

– Давайте проверим, правильно ли я понял, – говорит Морган. – Вчера Томас приходит домой в рваной одежде, с разбитыми кулаками, и старик спрашивает: ты что, дрался? Ждет сутки, потом хватает бутылку. Валит Томаса с ног, пинает, бьет попавшейся под руку доской...

– Так и было?

– Весь приход знает! Соседи стали кричать на пристани еще до того, как моя лодка подошла к берегу. Морган Уильямс, послушай, твой тесть только что отколотил Томаса, и тот приполз умирать к сестре, позвали священника. Ты посылала за священником?

– Ох уж мне эти Уильямсы! – возмущается Кэт. – Подумайте, какая важная птица! Люди приходят на пристань сообщить ему новости! А почему? Потому что ты всему веришь.

– Но ведь это правда! – кричит Морган. – Чистая правда, верно? Кроме священника. И Томас еще жив.

– Ты точно станешь судьей, – говорит Кэт, – раз сумел подметить разницу между моим живым братом и покойником.

– Если я стану магистратом, первым делом посажу твоего отца в колодки. Штрафовать его? Пустое! Что толку штрафовать человека, который тут же вернет себе деньги, ограбив или обдурав первого встречного?

Он стонет, тихо, чтобы не мешать разговору.

– Ну, ну, ну, – шепчет Кэт.

– Магистраты уже слышать про Уолтера не могут, – вещает Морган. – Если он не разбавляет эль, то пасет скотину на общинном лугу, если не травит общинную траву, то нападает на представителя власти, если он не под хмельком, то мертвецки пьян, и если он умрет своей смертью, значит, в мире нет справедливости.

– Закончил? – спрашивает Кэт. Поворачивается к брату: – Том, оставайся-ка у нас. Морган Уильямс, что ты скажешь? Томас может делать черную работу, как оправится. Или вести твои счета, складывать и... что там еще делают? Ладно, не смейся надо мной, где мне было учиться, с таким-то отцом? Я свое имя умею написать только потому, что Том меня научил.

– Отец. Будет. Злиться.

Он может говорить только так: отдельными словами.

– Злиться? – повторяет Морган. – Усовестился бы лучше!

Кэт объявляет:

– Когда Господь раздавал совесть, мой отец не удосужился подойти за своей долей.

Он говорит:

– Потому что. Всего миля. Он легко.

– Легко может сюда прийти? Пусть попробует. – Морган снова показывает свой жилистый валлийский кулачок.

* * *

Когда Кэт заканчивает промывать его раны, а Морган Уильямс – храбриться и восстанавливать ход событий, он час или два просто лежит пластом. За это время приходил Уолтер с друзьями, они кричали и ломались в дверь. Впрочем, в комнату звуки долетали приглушенно, и он не знает точно, было это наяву или во сне. Сейчас его занимает одна мысль: что теперь делать? В Патни оставаться нельзя. Вернулись воспоминания о позавчерашней драке, и там, вроде, был нож. Пырнули не его, значит, это он кого-то пырнул? Все как в тумане. Ясно одно. Если Уолтер еще раз меня тронет, я его убью, а если я его убью, меня повесят, а если меня повесят, то пусть лучше за что-нибудь более стоящее.

Внизу голоса, то громче, то тише. Всех слов не разобрать. Морган утверждает, что Том сжег все мосты. Кэт отказывается от прежнего предложения: мальчик на побегушках, личный секретарь и счетовод, потому что Морган говорит:

– Уолтер будет все время сюда ходить, верно? Мол, где Том, отправь его домой, кто платил чертову попу, чтобы мальчишку научили читать-писать? Мол, я платил, а ты теперь пользуешься, дрянь, потаскуха вонючая!

Он спускается вниз. Морган замечает весело:

– А ты неплохо выглядишь, учитывая обстоятельства.

Правда, Морган Уильямс – и это ничуть не мешает Тому его любить – никогда в жизни не поколотит тестя, что бы ни говорил и ни думал. На самом деле Морган боится Уолтера, как многие добрые люди в Патни. И кстати, в Уимблдоне и Мортлейке тоже.

– Ну, я пошел, – говорит Том.

Кэт возражает:

– Переночуй у нас. Сам знаешь, второй день хуже всего.

– А кого он побьет, если меня не будет?

– Не наше дело, – отвечает Кэт. – Бет, слава тебе, Господи, замужем и далеко отсюда.

Морган Уильямс говорит:

– Честно скажу, будь Уолтер моим отцом, я бы сбежал.

Он ждет.

– Мы собрали тебе денег, – продолжает Морган.

Пауза.

– Я верну.

Морган облегченно смеется.

– И как же ты их вернешь, Том?

Он не знает. Дышать трудно, но это пустяки, просто в носу запеклась кровь. Вроде бы там все цело. Он трогает нос, осторожно, и Кэт говорит, полегче, я в чистом фартуке. Сестра вымученно улыбается, потому что не хочет, чтобы он уходил, но она ведь не станет противоречить Моргану Уильямсу, верно? Уильямсы – важные люди в Патни, в Уимблдоне. Морган на Кэт не надышится, говорит, чтобы печь пироги и варить пиво, есть служанки, а хозяйка может шить наверху, как знатная дама, и молиться об успехах сделок, когда муж отправляется в Лондон в парадном платье. Дважды в день она может обходить «Пегас», нарядно оде-

тая, и помечать, что не так: идея Моргана. И хотя сейчас Кэт хлопочет не меньше, чем в детстве, когда-нибудь Морган убедит ее оставить работу служанкам, и ей понравится.

– Я верну, – повторяет он. – Может, завербуюсь в солдаты. Буду отсылать вам часть жалованья и добычи.

Морган говорит:

– Но сейчас нет войны.

– Где-нибудь да будет, – замечает Кэт.

– Или наймусь на корабль юнгой. Только вот Белла – вернуться мне за ней? Она лаяла, и отец запер ее в сарае.

– Чтобы она не хватала его за пятки? – У Моргана воспоминание о Белле вызывает усмешку.

– Я бы ее с собой взял.

– Про корабельных кошек я слышал. Про корабельных псов – нет.

– Она совсем маленькая.

– Но за кошку не сойдет, – смеется Морган. – И вообще ты великоват для юнги. Они бегают по вантам, как мартышки. Ты когда-нибудь видел мартышку, Том? Уж лучше тебе в солдаты. По правде говоря, яблоко от яблони... Чем-чем, а кулаками тебя Господь не обделил.

– Отлично. Давайте проверим, правильно ли я поняла, – передразнивает мужа Кэт. – Как-то Том возвращается домой после драки. В наказание отец подкрадывается сзади, бьет его по голове неизвестно чем, но чем-то тяжелым, потом чуть не выбивает ему глаз, лупит по чему ни попадя удачно подвернувшейся доской, разукрашивает физиономию так, что, не будь я родная сестра, в жизни бы не узнала, а теперь мой муженек говорит: давай, Томас, иди в солдаты, найди какого-нибудь незнакомца, выбей ему глаз, переломай ребра, убей его, и тебе за это заплатят.

– Все лучше, чем драться у реки задарма, – замечает Морган. – Глянь на него. Будь я королем, я бы затеял войну, просто чтобы взять Тома в солдаты.

Морган достает кошель. С дразнящей медлительностью отсчитывает монеты: звяк, звяк, звяк.

Он трогает скулу. Под пальцами синяк, не ссадина. Но до чего же холодный!

– Послушай, – говорит Кэт. – Мы тут выросли. Наверняка кто-нибудь согласится Тому помочь.

Морган смотрит выразительно, словно спрашивая: ты много знаешь людей, готовых перейти дорогу Уолтеру Кромвелю? Людей, которые хотят, чтобы он ломился к ним в дом? И Кэт, словно услышав мужнины мысли, говорит:

– Нет. Может быть. Может быть, Том, это и правда лучше, как ты думаешь?

Он встает.

Кэт говорит:

– Морган, глянь на него, ну куда он сегодня пойдет?

– Мне нельзя оставаться. Через час Уолтер глаза нальет и явится сюда. Если я буду здесь, он подожжет дом.

Морган спрашивает:

– У тебя есть все необходимое в дорогу?

Ему хочется обернуться к сестре и сказать: нет.

Но она отвернулась и плачет. Не о нем, потому что никто никогда больше о нем не заплачет, таким уж сотворил его Господь. Кэт плачет о том, что считает правильной жизнью: воскресенье после обедни, сестры, золовки, невестки целуются, шлепают племянников (любя) и тут же гладят их по головке, передают из рук в руки младенцев, сравнивают, чей толще, а мужчины стоят кружком и говорят о делах, о шерсти, пеньке, доставке, чертовых

фламандцах, правах на лов рыбы, пивоварнях, годовых оборотах, услуге за услугу, нужных людях, «надо бы немного подмазать», «мой поверенный обещал»... Вот что сулил брак с добрым семьянином Морганом Уильямсом, да только Уолтер все испортил.

Осторожно, неловко, он выпрямляется. Теперь болит все тело, хоть и не так сильно, как будет болеть завтра. На третий день проступят синяки, и придется отвечать всем на расспросы, где тебя так отделали. К тому времени он будет далеко отсюда, и, возможно, отвечать не придется, потому что никто не спросит. Никому не будет до него дела. Люди глянут мельком и решат, что он всегда такой побитый.

Он берет деньги и говорит:

– *Гуил, Морган Уильямс. Диолх арм ир ариан. (Спасибо за деньги.) Гофалух ам Катерин. Гофалух ам эйх бизнес. Вела ай хи это риубрид. Поб лук.*

Позаботься о моей сестре. Позаботься о своем деле. Когда-нибудь увидимся.

У Моргана Уильямса глаза лезут на лоб.

Он улыбнулся бы, если бы не корка на лице. Неужто все думают, будто он ходил к Уильямсам лишь затем, чтобы лишний раз пообедать?

– *Поб лук*, – медленно произносит Морган. Удачи во всем.

Он спрашивает:

– Если я пойду вдоль реки, это годится?

– А куда ты хочешь попасть?

– К морю.

Морган Уильямс смотрит огорченно, жалея, что до такого дошло. Потом говорит:

– Береги себя, Том. Обещаю, если Белла придет тебя искать, мы ее голодной не отпустим. Кэт даст ей пирога.

* * *

Деньги надо растянуть на подольше. Можно идти вдоль реки к устью, но он боится, что Уолтер через своих дружков – людей, за выпивку готовых на все, – выследит его и поймает. Первая мысль: пробраться на суденышко, выходящее из Тилбери с грузом контрабанды. Но если подумать, сейчас во Франции война. Это подтверждали все, кого он спрашивал, – ему ничего не стоит заговорить с незнакомцем. Итак, Дувр.

Если помогаешь грузить телегу, тебя обычно соглашаются подвезти. А как же бестолково люди грузят телеги! Застревают в узкой двери с деревянным ящиком в руках, а всего-то и надо, что повернуть его! И лошади. Он привык к лошадям, к перепуганным лошадям. По утрам Уолтер иногда работал в кузнице – если не спал мертвецким сном после крепкого эля, который держал для себя и своих дружков. То ли от запаха перегара, то ли грубого голоса, то ли от того, как Уолтер себя вел, даже послушные лошади начинали мотать головой и пятиться, а когда им прилаживали подкову, дрожали всем телом. Его делом было держать их за морду, успокаивать, гладить бархатистую шерстку между ушами, напоминать, как любили их мамы-кобылы, и уверять, что те и до сих пор о них вспоминают, а Уолтер скоро закончит.

* * *

День или два он не ест – слишком все болит. Но к Дувру рана на голове затягивается, и отбитые органы – почки, легкие, сердце – тоже, видимо, подживают.

По взглядам прохожих ясно, что лицо по-прежнему в синяках. Перед уходом Морган Уильямс осмотрел его и составил опись: зубы (чудесным образом) целы, оба глаза чудесным образом видят. Две руки, две ноги – чего ж еще?

Он ходит по пристани, спрашивает: не знаете, где сейчас война?

Каждый спрошенный глядит ему в лицо, отступает на шаг и говорит: «Это ты сам лучше знаешь!»

Они так собой довольны, так смеются над собственной шуткой, что он продолжает спрашивать, просто чтобы людям было приятно.

К своему удивлению, он понимает, что покинет Дувр богаче, чем сюда пришел. Он углядел у какого-то ловкача на улице финт с тремя картами и тоже стал приглашать желающих сыграть. К мальчику подходят охотнее, чем к взрослому. И проигрывают.

Он подсчитывает приход и расход. Выделяет небольшую сумму на то, чтобы пойти к девке. В Патни, Уимблдоне и Мортлейке такое невозможно: Уильямсы прослышат и будут обсуждать тебя между собой по-валлийски.

Он видит трех пожилых голландцев с тюками, идет помочь. Тюки большие и мягкие – образцы сукна. Таможенник кричит на голландцев: у них что-то не так с документами. Он, притворяясь голландским олухом, заходит за спину чиновнику и на пальцах показывает, сколько надо дать. «Пожалуйста, – говорит один из купцов на плохом английском, – не избавите ли вы меня от этих английских монет? Они лишние». Таможенник расплывается в улыбке. Купцы расплываются в улыбке: сами они заплатили бы больше. Поднимаясь на борт, они говорят: мальчик с нами.

Пока матросы поднимают якорь, голландцы спрашивают, сколько ему лет. Он говорит, восемнадцать, они хохочут. Он говорит, пятнадцать, они, посоветовавшись между собой, решают: пятнадцать сойдет. Они думают, ему меньше, однако не хотят обижать мальчонку. Любопытствуют, что у него с лицом. Можно соврать, но он говорит правду – иначе подумают, что его побили за кражу. Купцы говорят между собой по-голландски, и тот, который владеет английским, переводит:

– Мы обсуждали, что англичане жестоки к своим детям. И холодны сердцем. Когда отец входит в комнату, ребенок должен вставать. И обращаться к родителям правильно: к отцу «сэр», к матери – «госпожа матушка».

Он удивлен. Неужто где-то люди добры к детям? Впервые на сердце легчает: есть другие места, лучше. Он рассказывает про Беллу. Купцы смотрят сочувственно и не говорят глупостей вроде: ты можешь завести другую собаку. Он рассказывает про «Пегас», про отцовскую пивоварню, про то, что отца штрафуют за разбавленный эль не реже двух раз в год. И еще за порубку чужого леса и выпас на общинном лугу овец сверх разрешенного числа. Купцы слушают с интересом, показывают образцы сукна, обсуждают между собой вес и качество выделки, иногда обращаются к нему, объясняют. В целом они невысокого мнения об английском сукне, но эти образцы, возможно, их переубедят... Когда речь заходит о цели поездки в Кале и тамошних знакомых-суконщиках, он теряет нить разговора.

Он упоминает отцовскую кузницу. Тот, что говорит по-английски, спрашивает: ты можешь сделать подкову? Он пантомимой показывает, каково это: горячий металл и гневливый отец в тесной кузне. Они смеются. «С тобой не соскучишься», – говорит один. Перед высадкой самый молчаливый встанет и произнесет короткую, странно официальную речь. Второй ответит кивком, а третий переведет:

– Мы три брата. Наша улица такая-то. Если окажешься в нашем городе, тебя будет ждать постель, огонь в очаге и еда.

До свидания, скажет он. До свидания и удачи во всем. *Гуил*, суконщики. *Гофалух эйх бизнес*. Он не остановится, пока не попадет на войну.

Холодно, но море спокойно. Кэт дала ему с собой образок. Медь холодит кожу. Он развязывает веревку, целует образок на счастье. Роняет в воду. Он навсегда запомнит, как впервые увидел открытое море: покрытый рябью серый простор, словно осадок от сна.